

Е. П. ЛЕБЕДЕВА

РЕДУПЛИЦИРОВАННЫЕ И ПАРНЫЕ СЛОВА В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

За последнее время было написано немало работ о парных словах на материале, главным образом, тюркских языков. Менее изучены парные слова в монгольских и особенно в тунгусо-маньчжурских языках¹. В языках северной, или собственно тунгусской, группы редуплицированные и парные слова не играют сколько-нибудь значительной роли. В языках же амурской группы (нанайский, ульчский, удэгейский, ороцкий), как и в маньчжурском, редуплицирование и спаривание слов весьма распространено. Особенно широко распространен этот тип слов в маньчжурском.

Маньчжуры сами давно уже заметили в своем языке наличие двойных слов и называли их *холбохо гисунь* «спаренные, или соединенные в пары, слова». Отличительной чертой редуплицированных и спаренных слов маньчжурского языка является то, что редупликация и спаривание являются действующими как в письменном языке, так и в диалектах, живыми грамматическими приемами, тогда как в тюркских и монгольских языках имеются лишь застывшие парные слова. Пласты парных слов в этих языках, иногда весьма мощные, представляют собой результат тех же грамматических приемов. Из тюркских языков лишь в якутском, как можно думать на основании работы Л. Н. Харитоновой², положение сходно с маньчжурским. В маньчжурском многие редуплицированные и парные слова утратили способность члениться на самостоятельные лексические компоненты. Процесс сращения компонентов идет, как нам кажется, весьма интенсивно, но он еще не завершился.

Редуплицированные слова представляют собой удвоение знаменательных слов различных категорий. Парные слова являются результатом спаривания а) двух близких по значению слов (синонимов), б) маньчжурского слова с аналогичным по значению словом, заимствованным из другого языка, или двух однозначных слов из разных диалектов, в) двух слов противоположного значения. Не подчиняется правилам редуплицирования или спаривания собственно глагол (*verbum finitum*), слова же всех прочих знаменательных частей речи могут входить в парные образования. В пределах парного или редуплицированного целого, как правило, сочетаются лишь слова, принадлежащие к одной части речи, т. е. существительные с существительными, числительные с числительными, деепричастия с деепричастиями и т. п. (случаи сочетания слов из разных частей речи очень редки и требуют специального исследования). Каждое из двух

¹ Впервые о грамматическом приеме редуплицирования и спаривания см.: И. И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879. См. работы В. И. Цинциус, а также: Т. И. Петрова, Удвоенные и парные сочетания в нанайском языке, сб. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», 7, Л., 1957; G. Doerfer, Der Numerus im Mandschu, Wiesbaden, 1962.

² Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, Якутск, 1947, стр. 85, 126—128, 141—142, 251—252, 257—258, 268; см. также Е. И. Убрятова, Парные слова в якутском языке, сб. «Язык и мышление», XI, 1948.

слов, входящих в состав редуплицированного или парного слова, представляет собой самостоятельную фонетическую единицу. Например: *ба ба дэ* «в различных местах» состоит из удвоения слова *ба* «место» + аффикс дат. падежа -*дэ*, который в письменном маньчжурском пишется отдельно; адвербиализовавшееся *энтэхэмэ гойдамэ* «очень долго, навечно» состоит из синонимичных деепричастий *энтэхэмэ* «долго, надолго, навсегда» и *гойдамэ* «долго, продолжительно, давно»; *хэчэнь хотонь* «города (вообще)», или «множество городов» состоит из маньчж. *хэчэнь* «город, крепость» и заимствования из монгольского *хотонь* «город»; *ихань хонинь* «скот» — из *ихань* «корова; бык» и *хонинь* «овца» (парные слова последнего типа представляют собой как бы неполное перечисление, употребленное в обобщенном значении); в составе парного слова *эму уду* «несколько, немного» соединены слова *эму* «один» и *уду* «сколько, много». Поскольку в маньчжурском языке редуплицируемые или спариваемые слова никаких изменений ни в звуковом составе, ни в своей форме не претерпевают, постольку они, вступая в состав редуплицированного или парного слова, как правило, не порывают своих прежних семантических связей.

Приемы удвоения и спаривания слов одинаково служат для выражения следующих грамматических значений: 1) собирательной множественности; 2) расчлененной множественности; 3) обобщенности; 4) усиления, увеличения. На этом основании мы не склонны усматривать какое-либо принципиальное различие в плане семантики между редупликацией и спариванием. По нашему мнению, спаривание можно считать дальнейшим развитием редупликации, простейшего и, видимо, древнейшего из всех грамматических приемов. В маньчжурском в количественном отношении преобладает прием спаривания. Простейший способ удвоения, например *ба ба* «зёмли; местá», может быть усложнен путем замены второго *ба* его синонимом *на* «земля; страна», благодаря чему получаем спаренное слово *ба на* «зёмли; страны», сосуществующее с указанным редуплицированным. Не исключено, что эволюция редупликации в спаривание стала возможной лишь с развитием лексической синонимии, что предполагает известную степень развитости языка.

Выражение грамматического значения собирательной множественности путем редуплицирования и спаривания слов может быть проиллюстрировано рядом примеров. См.: *Чжугунь чжугунь* и *бурулаха чооха баксань фэнень* и *туцихэнгэ аку* «Отступавшие по дорогам войска группами не появлялись»; здесь *чжугунь чжугунь* «дороги» — редуплицированное, а *баксань фэнень* «группы, отряды» — парное слово, состоящее из *баксань* «связка; сноп; отряд» и *фэнень* «толпа; стадо; стая». *Тасха бутхашара нялма чжуру чжуру гйда чжафафи файдахаби* «Охотники на тигров, взяв копыя, выстроились парами», где *чжуру чжуру* «парами» образовано в результате редупликации слова *чжуру* «пара, двойка». *Салади, Сулань туктань хэчэнь хотонь сахамэ, боо олэнь арафи тэмэ, нялма моо тэбумэ, оло таримэ чжодомэ дэрибухэ* «Салади и Сулань впервые начали строить города, строить дома и жить (в них), люди стали сажать деревья, возделывать и ткать коноплю», где *хэчэнь хотонь* «города» (о составе см. выше), *боо олэнь* «дома» — из *боо* «дом» и *олэнь* «здание, жилище». *Чжугунь* и *уньдури ба на* и *арбунь бэ кимцимэ тувац...* «Если внимательно посмотреть на вид местностей вдоль дороги...», где выбор парного слова *ба на* «местности», а не редуплицированного *ба ба*, можно объяснить тем, что в данном контексте нужно подчеркнуть разнообразие мест, которые следует осмотреть: оба сочетания — *ба ба* и *ба на* — выражают множественность, но только второе имеет еще дополнительный оттенок разнообразия. *Сэчжэнь кяо, майкань чачари, агура хэчэжунь, чоохай цяньлянь толоци вачжираку баха* «Получили несчетное количество повозок, палаток, оружия и военного

провианта», где *сэжэнь кяо* «повозки» состоит из *сэжэнь* «телега» и заимствования из китайского *кяо* «повозка, телега»; *майкань чачари* «палатки» — из *майкань* «палатка; круглый шатер» и *чачари* «холщевая палатка»; *агура хачжунь* «оружие» — из *агура* «домашняя утварь; оружие» и *хачжунь* «орудие; оружие, военные доспехи» (слова *агура* и *хачжунь*, по-видимому, происходят из разных диалектов маньчжурского языка).

Редупликация часто используется для выражения расчлененной множественности. Редулицированное слово в этом случае указывает на множество предметов или лиц, каждое из которых мыслится отдельно. Например: *Эмкэнь эмкэнь саргань чжусэ дэ улха моринь гэму нялма томэ бухэй* «Каждой дочери дает скот и лошадей, все дает каждой из них» (*эмкэнь эмкэнь* «одной за другой; каждой из них» образовано в результате редупликации слова *эмкэнь* «один»); *Ину сирань сирань и исиньчжифи, амба бэйлэй чооха дэ ачаха* «Прибывая один за другим, вливались в войска главного князя» (*сирань сирань* «один следом за другим», образованное путем редупликации слова *сирань* «раз; прием», приобрело характер устойчивого целого).

Значение обобщенности тесно связано со значением множественности, причем разграничить их иногда оказывается трудно. Тем не менее, многие примеры употребления парных, реже редулицированных слов представляют собой отчетливое выражение обобщенности. В примере *Эсхунь нойчжи гурунь дэ битхэ дансэ, фафунь кооли аку* «В государстве диких нойчжей не было письменности и законов» *битхэ дансэ* «письменность» состоит из *битхэ* «письмена, письменность; книга» и *дансэ* «записная книга; журнал», а *фафунь кооли* «законы; законодательство» — из *фафунь* «запрещения; права; государственные законы» и *кооли* «писанный закон; правило; устав; уложение», и имеется в виду не множественность книг, а письменность вообще, не множественность законов, а законодательство вообще. Это не исключает того, что в других контекстах подобные парные сочетания могут иметь значение множественности (т. е. «книги, письмена», «законы»). В примере *Ай ай чжака бэ амбула бага* «Получили много разнообразных вещей» *ай ай* «разнообразные» получено путем редупликации местоимения *ай* «кто; что; какой» (буквально «какие-какие»). См. также: *Нямань хуньчихинь бэ умэ тувара* «Не смотри на родство» (*нямань хуньчихинь* «родство» — из *нямань* «родители; родственники; родные по жене» и *хуньчихинь* «соплеменник, родственник»); *Афара дайлара бэ дэрибураку оки* «Не будем начинать войн (вообще каких бы то ни было)» (*афара дайлара* — парное причастие настоящего времени «войны» — из *афара* «нападать; нападение» и *дайлара* «вести войну; усмирение войной»).

Редупликация и спаривание синонимов используются для интенсификации качественной характеристики предмета или для выражения высокой интенсивности действия. Примеры такого рода особенно часто встречаются в фольклорных текстах. Ниже они и приводятся. Часть из них заимствована из фольклорных текстов на сибирском диалекте маньчжурского языка. *Эму амба яфань кюарань сабумби* «Увидел большой прекрасный сад», где *яфань кюарань* «прекрасный сад» состоит из *яфань* «сад; огород» (слово заимствовано из китайского языка) и *кюарань* ~ *куварань* «огород; ограда; двор». *Этку аду бэ этуфи, гала дэ тэйфунь мою чжафафи, надань саргань чжуй биширэ нялма бэ баймэ абуха* «Надев хорошие одежды, взяв в руки надежный посох, пошел искать человека, имеющего семь дочерей», где *этку аду* «хорошая, царская одежда» — из *этку* ~ *этуку* «одежда, платье» и *аду* «одежда», а *тэйфунь мою* «надежный, прочный посох» — из *тэйфунь* «клюка; посох» и *моу* ~ *моо* «дерево; палка». *Эдэ ай дахунь дахунь и фоньжирэ баби* «При этом что ты беспрестанно спрашиваешь?»,

где редуплицирование слова *дахунь* «снова, опять, вторично» усиливает его значение: *дахунь дахунь* «беспрестанно, все время». *Хачинь хачинь мудури мэйхэ би* «Самые разнообразные драконы и змеи есть»; редуплицирование слова *хачинь* «род, порода, сорт» дает тот же эффект. *Гэли ага мукэ лифахань цифахань дэ хангабумби* «Будете задержаны непроходимой грязью от дождевой воды», где *лифахань цифахань* «непроходимая грязь» состоит из *лифахань* «грязь, слякоть» и *цифахань* «глиняная обмазка для стен из глины с рубленой соломой». *Энтэхэмэ гойдамэ хувалясунь и баньчжирэ чжалинь токтобумэ гисурэхэнгэ* «Вот о чем договорились с целью установления мирной жизни на вечные времена», где *энтэхэмэ гойдамэ* — адвербиализованное парное деепричастие «навечно, на вечные времена», состоящее из деепричастий *энтэхэмэ* «долго, надолго, навсегда» и *гойдамэ* «долго, продолжительное время».

Ряд парных и редуплицированных слов, особенно употребительных в разговорной речи, постепенно приобретает с точки зрения семантики характер нерасторжимых единств. В этом случае за ними обычно закрепляется то значение, которое они приобрели в результате удвоения или спаривания, а прежние семантические связи утрачиваются. Например: *сонь сонь и* «порознь, отдельно» произошло путем удвоения слова *сонь* «жердь»; *аба саха* «облавная охота» — из *аба* «облава; охота» и его синонима *саха*, который в качестве самостоятельного слова почти не употребляется; *айминь талинь* «негладко, неровно, ключьями (о шерсти)», причем первоначальное значение обоих компонентов уже утрачено.

Употребление удвоенных и парных слов в значении одной семантической единицы в ряде случаев вело к утрате фонетической самостоятельности составляющих слово компонентов и сращиванию их в одну фонетическую единицу. Этот процесс, по всей видимости, начался в весьма отдаленное время, о чем можно судить, например, по структуре некоторых терминов родства, и продолжается до настоящего времени. Среди маньчжурских корней есть немало продуктов сращения синонимичных слов.

К числу новообразований такого типа можно, например, отнести слово *удуду* «несколько, несколько раз; много», образованное в результате редупликации слова *уду* «сколько; как много» и последующего сращения, в результате чего получилось единое фонетическое целое (в маньчжурской литературе наряду с *удуду* встречается и не опрощенное редуплицированное слово *уду* с тем же самым значением). Сюда же относится *эмму* «какой-то, некий, некоторый» (редупликация слова *эму* «один; единица» и последующее опрощение), а также *яя* «всякий, каждый» (удвоение местоимения *я* «кто; что»).

Среди древнейшего пласта лексики привлекают внимание слова типа *хаха* «мужчина», *хэхэ* «женщина», *гэгэ* «старшая сестра; свояченица», *мама* «старуха; мать» и т. п. Слово *хаха*, как можно с большой вероятностью полагать, произошло от редупликации слова *ха* «сородич, старший брат» — в этом виде оно сохранилось в близком родственном маньчжурскому удагейском языке. Слово *гэгэ* «старшая сестра» И. И. Захаров связывал с кит. *гэ* «старший братец»³. Предположение об иноязычном происхождении слова не лишено оснований, так как в других родственных маньчжурскому языках это слово отсутствует. На маньчжурской почве слово получило редуплицированный характер.

В паре слов *мама* «матушка; бабушка» и *мафа* «дед, дедушка» первое, как можно полагать, образовалось в результате редупликации слова *ма*. В составе слова *мафа* мы имеем тот же компонент *ма*, но осложненный

³ И. И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875, стр. 316.

компонентом *фа* — здесь, видимо, действовал прием спаривания. Поскольку соответствие звуков *ф* // *п* // *х* является одним из широко распространенных в тунгусо-маньчжурских языках, постольку можно предположить, что, помимо маньчжурск. *мафа* и нанайск. *мапа* с тем же значением, существовал некогда прототип **маха*. Если это так, нетрудно объяснить происхождение слов *мама*, *мафа* и входящих в их состав двух первоначальных слов *ма* и *ха*. Последнее можно сопоставить с удэгейским *ха* «сородич; старший брат; старшая сестра». Компонент *ма*, *мэ* находим в словах *ама* «отец», *эмэ* «мать» и др. Анализ терминов родства не входит в нашу задачу, это тема особого, весьма сложного исследования. Мы произвели рассмотрение некоторых из них лишь для того, чтобы показать древность удвоения и спаривания как приема словообразования.

Один из крупнейших знатоков маньчжурского и китайского языков В. П. Васильев давно уже обратил внимание на то, что в целом ряде составных маньчжурских слов один из компонентов совпадает с китайским словом, другой же компонент, как можно думать, представляет собой маньчжурское слово, близкое по значению к китайскому. О последнем В. П. Васильев сказал лишь намеком, но и это вызвало целый ряд возражений. Из заключительной части его статьи «Об отношении китайского языка к среднеазиатским»⁴ можно со всей определенностью сделать вывод, что он задолго до Н. Я. Марра установил существование такой структуры сложного слова, когда различные его части восходят к различным словам, имеющим одинаковую семантику.

Рассмотрим некоторые из таких слов. Маньчж. *ахунь* «старший брат» сопоставлялось В. П. Васильевым с кит. *хюн* или *сюн* «старший брат». Корень этого слова *а-* имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках, но нигде, кроме маньчжурского, при нем нет компонента *-хунь*. Поэтому сопоставление *-хунь* с кит. *хюн* можно считать оправданным. Первый компонент (корень) *а-* восходит к *ха* (утрата начального *х* в маньчжурском и других родственных языках очень распространена). Тот же корень в слове *хала* «род; племя» (буквально «братство») сохраняет начальный *х* и является исконно маньчжурским. В связи с анализом слова *ахунь* «старший брат», происхождение которого связано со сращением пары синонимов, привлекает внимание слово *агэ* «старший брат» (вежливое обращение ко всякому старшему мужчине). На первый взгляд, это слово кажется очень близким к эвенк. *ака*, нанайск. *ага* с тем же значением. Однако в маньчж. *агэ* нарушена гармония гласных: после *а* следует *э*, что не соответствует правилам сингармонизма, действующим в маньчжурском. Такое нарушение сингармонизма возникает обычно в сложных словах, образовавшихся из двух слов с разными сериями гласных. Сравнивая слово *ахунь* и *агэ*, мы можем выделить корень *а-* и второй компонент *-гэ*, который восходит к синонимичному слову, заимствованному из китайского языка⁵ («старший брат», в маньчжурском — «старший брат мужа»). Такое происхождение слова *агэ* объясняет и отличие его семантики, поскольку это слово выражает особое уважение к тому лицу, которое им называют. Здесь действует правило, по которому спаренность синонимов применяется для усиления и интенсификации значения.

В слове *муэ* «река; вода» второй слог *-кэ* В. П. Васильев сопоставлял с кит. *хэ* «вода; река». Топонимические данные свидетельствуют о том, что слово *хэ* некогда было известно маньчжурам, так как его без труда можно обнаружить в названиях рек южной Маньчжурии. Начальный слог этого слова, на первый взгляд, совпадает с сев.- тунг. (эвенк. и эвекс.) *мү* «вода».

⁴ В. П. Васильев, Об отношении китайского языка к среднеазиатским, ЖМНП, 1872, сентябрь.

⁵ И. Захаров, указ. соч., стр. 313.

Однако долгота гласного *ū*, вероятнее всего, свидетельствует об утрате интервокального *k* и стяжении двух гласных в один долгий. Нанайск. *муэ* «вода» является промежуточным звеном между маньчж. *мукэ* и эвенк. *мү*. *Му* в его первоначальном виде мы находим в составе эвенк. *ламу* «море», нанайск. и ороцк. *наму* с тем же значением. Слог *му* возводится к слову *мү* «вода», а начальный слог одни тунгусо-маньчжуроведы считали заимствованием из нивхского *ла* «Амур», другие — кит. *ла* «вода». В слове *ламу* гласный *у* долготы не имеет, поэтому возводить второй слог к *мукэ* нет оснований. Вероятно, в этом случае мы и имеем дело с исходным словом *му* «вода», не спаренным с кит. *хэ*.

В слове *никань* «китаец», которое В. П. Васильев сопоставлял с кит. *хань* «китаец», первый слог *ни* может быть возведен к нанайск. *най*—*ни* «человек», и тогда все слово расшифровывается как «человек-китаец», т. е. как определительное словосочетание (с определением в виде приложения).

В слове *айсинь* В. П. Васильев отождествлял слог *синь* с кит. *цзинь*, заметив при этом, что маньчжуры при заимствовании китайских слов обычно произносят *цз* как *с*. Корень слова *айсинь* имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках, оформление же на *-синь* ~ *син* находим только в маньчжурском и нанайском. В эвенкийском этому слову соответствует *алтан* «медь; золото», по-видимому, заимствованное из монгольского, в чжурчженском — *аньчуху* «золото». Корень этого слова известен в трех вариантах: *ал-*, *ан-*, *ай-*. Маньчж. *ай-*, очевидно, было некогда самостоятельной лексемой, которая впоследствии была спарена с ее китайским эквивалентом *цзинь*.

Маньчж. *арсунь* «ветвь» сопоставляется с кит. *сунь* «росток», которое входит также в состав слов *уксунь* «род, потомство», *фурсунь* «приплод скота» и др. Можно полагать, что на маньчжурской почве *сунь* превратилось в аффикс. Слово *арсунь* состоит из маньчжурского компонента *ар-*, восходящего к общетунгусо-маньчжурскому *гара* «ветка, ветвь», и спаренного с ним синонимичного кит. *сунь*. *Фурсунь* состоит из тунг.-маньчж. *фур-*, восходящего, как это установлено В. И. Цинциус⁶, к эвенк. *хурил* «дети», и спаренного с ним кит. *сунь* «ростки».

В составе маньчж. *элхэ* «мир» В. П. Васильев находил кит. *хэ* «мир». Первый же компонент *эл* без труда возводится к монг. *эл* «мир», ср. также маньчж. *эличинь* «посол». В. П. Васильев приводил еще довольно распространенный список слов, в составе которых он находил китайские слова.

Высказывая предположение о том, что прием спаривания слов развился из более раннего приема — редуплицирования, мы считаем последний едва ли не древнейшим из всех грамматических приемов: он так или иначе используется всеми языками мира, прежде всего в различного рода образных и звукоподражательных словах, а также для усиления значения и выражения множественности. Прием спаривания слов распространен значительно меньше. Его распространение и само возникновение было, видимо, связано с тесными языковыми контактами и длительным двуязычием.

Чем же можно объяснить особенно широкое развитие приемов спаривания и редупликации в маньчжурском? Причину этого следует искать в том, что маньчжуры, как известно, длительное время были двуязычными, используя в качестве второго языка то китайский, то корейский, то монгольский языки. В результате длительного взаимодействия маньчжурский язык заимствовал из контактирующих с ним языков целый ряд слов, которые укоренились на правах синонимов. Обилие синонимических

⁶ В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 329.

слов способствовало развитию приема спаривания слов. Кроме заимствований из контактирующих языков, состав синонимов, несомненно, пополнялся за счет периферийных диалектов самого маньчжурского языка.

Совершенно особым случаем является использование двух синонимов (из которых один — заимствование из другого языка) в топонимических названиях. Например, в словосочетании *Сунгари ула гян* «река Сунгари» слово «река» повторено дважды: маньчж. *ула* «большая река» и кит. *гян* «река». Первое слово *ула* вошло в состав имени собственного, и словосочетание стало подобным русск. *город Новгород*, отличаясь от него лишь тем, что по нормам маньчжурского, китайского и монгольского языков слово «река», как и другие подобные апеллятивы, всегда стоят за именем собственным, а не перед ним. Поэтому-то в случае наслоения, как это видно из нашего примера, они оказываются рядом друг с другом. Не исключено, что *Сунгари* членился на *Сун-* и *-гари*, причем последнее тоже восходит к слову «река», но доказательство этого увело бы нас далеко в сторону от избранной темы, не прибавив ничего принципиально нового. Другой топоним — *Жу фун шань алинь* «гора Жу фун шань» — состоит из китайского имени *Жу фун*, кит. *шань* «гора» и маньчж. *алинь* «гора» (по своей структуре в целом словосочетание вполне соответствует русск. *горы Тянь шань*, где *шань* то же самое китайское слово). В топониме *Сиханьчэнь хэчэнь* «крепость Сиханьчэнь» выделяется маньчжурский апеллятив *хэчэнь* «город; крепость»; в составе китайского имени собственного *Сиханьчэнь* имеется компонент *чэнь*, соответствующий кит. *чэн* «крепость; город». Иногда в качестве гидронима используется иноязычный апеллятив «река»; ср. русск. *река Биря* и эвенк. *биря* «река».

Сочетание одинаковых по значению, но различных по языковой принадлежности слов здесь объясняется историческим переходом слова из одного языка в другой, причем такой переход может совершаться не однажды, а дважды и даже трижды, что большей частью связано с миграциями разноязычного населения на той или иной территории. В случае, если синтаксическая позиция нарицательных топонимов в словосочетании одинакова (как в приведенных выше примерах), весьма вероятно слияние разноязычных, но однозначных компонентов в одно слово. Подобные случаи, конечно, надо отличать от случаев спаривания синхронно употреблявшихся синонимов.

В связи с этим, возможно, следует различать два типа слияния бытующих в маньчжурском разноязычных слов с идентичными или близкими значениями: синхронный и диахронический. Первый вызывался, по-видимому, двуязычием, приводившим к смешению разноязычной лексики, а второй — последовательной сменой языков на данной территории или у данного народа с сохранением элементов языкового субстрата.

Предлагаемая вниманию читателей статья имеет своей целью: 1) раскрыть на материале маньчжурского языка сходства и различия между такими важными для этого и многих других языков, хотя и далеко не единственными, приемами словопроизводства, как редупликация и спаривание слов; 2) показать, что эти приемы приводят к двум неодинаковым результатам: а) устойчивому соединению двух слов, сохраняющих свою фонетическую самостоятельность, но дающих в сумме новое значение или новый оттенок значения, и б) слиянию двух слов в единое фонетическое и лексическое целое; 3) обосновать гипотезу о генетической зависимости приема спаривания слов от существовавшей ранее редупликации; 4) подтвердить неоднократно высказывавшуюся мысль о том, что спариванию, как правило, подвергаются синонимы, которые часто оказываются принадлежащими по происхождению разным контактирующим между собой языкам или разным диалектам одного языка.